

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1—15-го января

№№ 1—2

1896 года.

Поученіе

НА НОВЫЙ ГОДЪ

Іоанна, Епископа Смоленскаго.

Годы, какъ волны, уносятъ жизнь нашу въ безпредѣльное море вѣчности. И если подумать, что не только въ этомъ морѣ тонуть безвозвратно цѣлые вѣка жизни цѣлаго человѣчества, а и въ круговоротѣ временной жизни безслѣдно пропадаютъ тысячи частныхъ существованій, то невольно представляется вопросъ: для чего существуютъ эти тысячи? и какое значеніе имѣетъ жизнь каждаго изъ насъ, если только она дается не случайно и не напрасно?

Подумали ли вы когда нибудь объ этомъ? думали ли, когда жизнь ваша разцвѣтала въ силахъ духа и тѣла, и предъ вами открывалось ея широкое поле, или когда жизнь начала уже увядать и видѣнъ сталъ вамъ не далекій конецъ? думали ли въ годы счастья или въ годы несчастій, въ дни веселія и праздности или въ дни скорбей и заботъ, въ часы серьезныхъ думъ и чувствъ или легкаго взгляда на міръ, смотря на себя или на другихъ?

А надобно подумать, и думать всегда. Не говоря уже о томъ, что жить, не сознавая значенія своей жизни и не давая себѣ отчета въ ея цѣляхъ, жить, оставляя свою жизнь одному естественному теченію, и такимъ образомъ по собственной волѣ дѣлать ее безхарактерною и безцѣльною, значило бы вести жизнь не болѣе, какъ расти-

T1003
5001

тельную, хотя можетъ быть видимо и цвѣтущую, только животную, хотя можетъ быть и привольную, но ужь никакъ не человѣческую — разумную и не христіанскую — нравственную, — не говоря уже объ этомъ, какъ безотрадно было бы думать, что не каждаго жизнь имѣетъ значеніе въ мірѣ, что жизнь многихъ можетъ считаться и случайною и напрасною?

Жизнь каждаго изъ насъ есть капля въ морѣ жизни цѣлаго человѣчества. Что значить капля въ морѣ? Не скажу, что ничего не значить; все море составляется изъ капель: не было бы капель, не было бы моря. И вотъ изъ капель жизни отдѣльныхъ личностей сливается великій океанъ жизни всемірной, съ его вѣковымъ теченіемъ, съ его волнами и бурями. Разберите составъ этихъ волнъ, воздымающихся океанъ и производящихъ иногда такое сильное волненіе и оглушительный шумъ въ исторіи человѣчества; всмотритесь въ эти бури, иногда столь страшныя и разрушительныя, — и вы увидите, что все это — капли, только въ связи, въ сцѣпленіи между собой, въ массѣ, составляющей всю силу ихъ. А не представляетъ ли исторія и такихъ примѣровъ, что самыя важныя и потрясающія событія въ жизни народовъ происходили иногда отъ усиленнаго движенія только нѣсколькихъ капель, а иногда даже одной, сначала въ небольшомъ кругѣ жизни? Въ дѣйствительности ни одна жизнь, какъ бы тѣсна сама по себѣ ни была, не можетъ считаться совершенно отдѣльною и отрѣшенною отъ общей жизни людей. Жизнь каждаго изъ насъ имѣетъ естественныя и нравственныя связи со всѣми другими, связи, болѣе или менѣе близкія или отдаленныя, открытыя или незамѣтныя, вліятельныя или страдательныя, но всегда и непремѣнно дѣйствительныя. Не будемъ говорить о связяхъ прямыхъ, вліятельныхъ, которыя сами по себѣ ясны. Вы думаете: какую существенную связь съ міромъ или какое значеніе можетъ имѣть жизнь, напримѣръ, этого нищаго, который самую судьбою выброшенъ изъ среды общества къ порогамъ домовъ, гдѣ только подавнїями отъ другихъ кое-какъ держится его жизнь, который самъ тяготится своею жизнію и часто не знаетъ, что съ нею дѣлать? но и эта жалкая жизнь, при всемъ ея внѣшнемъ ничтожествѣ, имѣетъ свое значеніе нравственное: и бѣднякъ имѣетъ духъ, слѣдовательно имѣетъ свою нравственную силу и свою долю участія въ общей жизни людей; его мысли, чувства, намѣренія, дѣй-

ствія, все это отъ него также, какъ и отъ другихъ, идетъ въ общую массу дѣлъ человѣческихъ, и онъ, какъ и всѣ, имѣетъ свои нравственныя отношенія къ другимъ, къ обществу, къ человѣчеству. Этого уже довольно, чтобы не считать его жизнь ничего пезначающею. А что, если внутренняя жизнь бѣднаго еще богаче богатыхъ? Что, если подъ отрѣпьями и безъ куска хлѣба таится сила души, болѣе другихъ способная дѣйствовать въ мірѣ? И знаемъ мы, что изъ среды бѣдняковъ, почти умиравшихъ съ голода, выходили, и не слишкомъ рѣдко, великіе дѣятели въ умственной, нравственной, религіозной, общественной жизни народовъ. Тутъ внутренняя жизнь, ея сила духовная вступала въ открытую борьбу со внѣшнею жизнію, ея горькою долею, и, или торжествовала надъ нею и измѣняла ее къ лучшему, или падала жертвою борьбы, но и въ самой борьбѣ выказывала все богатство и величіе внутреннихъ своихъ силъ. А что же тѣ, которыхъ сама судьба лишаетъ всякой возможности дѣйствовать, производя ихъ на свѣтъ безсильными, и оставляя въ одномъ страдательномъ положеніи несчастія? Судьба! какая это судьба? на это нѣтъ никакой судьбы. Каждому свыше дается своя мѣра силъ физическихъ и нравственныхъ, хотя самая малая, съ которою и долженъ соразмѣряться кругъ дѣятельности каждаго, хотя бы дѣятельность эта шла не далѣе обработки земли, или грубаго ремесла. А если нѣтъ и на это средствъ, кто виноватъ? Виноватъ или самъ несчастный, или тѣ счастливые, которые не хотятъ помочь ему. Тутъ только нравственное зло подрываетъ значеніе жизни; да и это можно ли еще сказать? Самое зло жизни не придаетъ ли ей своего значенія, хотя и печальнаго, когда жалкую участь ея сопровождаетъ тяжкими послѣдствіями—не для однихъ несчастныхъ, но и для другихъ людей, для общества, для человѣчества? Презрѣніе жизни въ себѣ или другихъ, жизнь, по собственной волѣ челоѣка или по недостатку сочувствія отъ другихъ доходящая до такого униженія въ средѣ людей, что теряетъ повидимому всякое общечеловѣческое значеніе, не обращается ли наконецъ въ позоръ самому челоѣчеству, въ рядъ однихъ преступленій, въ зло, не только частное, но и общественное, отнимающее у людей, у цѣлыхъ обществъ спокойствіе, благосостояніе, въ язву, заражающую ихъ нравственною порчею? О какъ страшно наказывается челоѣчество за пренебреженіе, даже только

за непониманіє жизни въ самыхъ незначительныхъ ея дѣятеляхъ.

Но есть особенная сила въ мірѣ, которая и самую безсильную жизнь можетъ сдѣлать не напрасною и не бесплодною въ мірѣ, будь это жизнь болящая, увѣчная, слѣпая, глухо-нѣмая, и проч. То— нравственная сила христіанства. Вспомните, какъ христіанство всѣхъ и cadaго изъ насъ призываетъ къ нравственной дѣятельности въ мірѣ, какъ всѣмъ даетъ для нея духовныя средства и силы, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни, какъ самаго убогаго чело-вѣка въ мірѣ оно можетъ сдѣлать образцемъ самыхъ высокихъ духов-ныхъ доблестей, какое могущество нравственнаго вліянія оно можетъ придавать самымъ простымъ людямъ, когда напимѣрь нѣсколько ры-баковъ въ состояніи были покорить его ученію древній языческой мірѣ, когда духъ, жизнь, слово самыхъ невидныхъ съ мірской стороны лич-ностей могутъ вызвать тысячи людей и цѣлыя народы на поклоненіе и послѣдованіе имъ, какъ эта дивная сила христіанства никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не истощается въ мірѣ и всегда можетъ и готова воздвигать на широкое поприще духовной жизни изъ всѣхъ состояній въ мірѣ самыхъ высокихъ подвижниковъ, самыхъ энергиче-скихъ дѣятелей самыхъ великихъ героев христіанской добродѣтели и нравственной силы духа. При такихъ обстоятельствахъ какая жизнь, какъ бы ни была сама по себѣ тѣсна, скудна и слаба, можетъ счита-ться напрасною и бесплодною въ мірѣ? Это съ одной стороны. Съ другой стороны не забудьте, какъ христіанство всѣхъ насъ соединя-етъ въ одно нравственное цѣлое, въ одну духовную семью, въ одно благодатное царство *Божіе*, какъ оно отъ всѣхъ и cadaго изъ насъ прежде всего и болѣе всего требуетъ взаимной любви, безъ разбора внѣшняго состоянія людей въ мірѣ, какъ оно внушаетъ носить тяготы другъ друга и въ этомъ полагаетъ высшее исполненіе закона Христо-ва, какъ возбуждаетъ, одушевляетъ, оплодотворяетъ силу добра въ чело-вѣкѣ и чело-вѣколюбія, чтобы не только помогать страданію со-страданіемъ и вещественною помощію, но и, возвышая духъ надъ тѣ-ломъ, давать самой немощи тѣлесной силы и средства сдѣлать что нибудь доброе и полезное для себя и для другихъ. Можно ли же до-пустить, чтобы тамъ, гдѣ живо дѣйствуетъ сознаніе и духъ христіан-ства, чья-нибудь жизнь, хотя бы самая немощная, могла оставаться бездольною и бесполезною въ мірѣ? Нѣтъ; и христіанская сила духа

надъ тѣломъ съ одной стороны, и христіанская любовь къ человѣчеству съ другой—сдѣлають то, что и слѣпые могутъ учиться и быть учеными людьми, съ пользою для другихъ, и глухо-нѣмые участвовать въ общественной службѣ. и безрукіе работать.—

А что еще, если не христіанство, и безъ особенныхъ духовныхъ дарованій, и не богатыхъ внутренними силами людей извлекаетъ изъ уничтоженія въ мірѣ, когда, при недостаткѣ и невозможности для нихъ другаго значенія, вполне сохраняетъ въ нихъ значеніе чисто-нравственное, даетъ имъ возможность быть, если не самостоятельными дѣателями среди міра, то вѣрными и добрыми исполнителями нравственнаго долга? И вы видите въ семействѣ, въ обществѣ, въ самомъ простомъ быту народа, не блестящую важными дѣлами, не пылающую сильнымъ огнемъ духа, но ясно и тепло свѣтящуюся мирными, скромными добродѣтелями жизнь, жизнь истинно-христіанскую, въ глубинѣ смиренія высокопоучительную: и разливаетъ эта жизнь около себя миръ, отраду ближнимъ, теплоту чувства, свѣтъ добраго пути, примѣръ чистой нравственности.—Кто осмѣлится назвать такую жизнь ничего или мало значущею?—

Что теперь сказать о значеніи жизни частномъ, личномъ? Сравнилъ я частную жизнь съ каплею въ морѣ, и теперь опять приходитъ на умъ капля. Наука открыла въ каждой каплѣ воды и всякой жидкости цѣлый міръ жизни: тутъ незримо для нашихъ глазъ вмѣщаются особые роды существъ, которыя рождаются, движутся, плодятся, совершаютъ свой кругъ бытія, со всѣми естественными дѣйствіями и проявленіями жизни. То, что эта микроскопическая жизнь не замѣтна для нашего глаза, отнимаетъ ли у ней всякое значеніе въ мірѣ? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Такъ, внутри каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, не всегда явно въ наружности и замѣтно для другихъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительно движется цѣлый міръ: міръ мысли и чувства, желаній и страстей, добра и зла, радостей и скорбей. Или все это имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ выказывается въ большихъ размѣрахъ, при широкой обстановкѣ, съ шумомъ и трескомъ, съ вліяніемъ на другихъ? Нѣтъ; и тотъ, котораго жизнь ограничивается только насущными ея потребностями, и тотъ, котораго внутренней жизни никто другой не знаетъ и знать не захочетъ, и тотъ, котораго внутренняя жизнь представляется намъ слишкомъ мало развитою, чтобы придавать ей какое

нибудь значеніе, и онъ все тоже, что и всѣ другіе, носить въ душѣ своей. Чего онъ не испытаетъ въ самомъ себѣ, какихъ мыслей и чувствъ, какой борьбы, какихъ бурь и страданій не переработаетъ въ душѣ своей! И если все это не имѣетъ значенія для другихъ, то очень важно для него самого: тутъ развивается его внутренній міръ, вырабатывается его личная судьба, его нравственное значеніе. А безсмертная душа, съ ея не умирающими потребностями? А образъ Божій въ человѣкѣ, дѣлающій душу его святилищемъ, а его самого жрецомъ, обязаннымъ священнодѣйствовать въ ней возношеніемъ ума горѣ и всеожженіемъ сердца въ жертву Богу? А благодать искупленія, придающая каждой христіанской душѣ великую цѣну, *да не погибнетъ*, влагающая таинственный залогъ возрожденія въ глубину существа ея? А все высокое достоинство, которое христіанство придаетъ существу и личности каждаго человѣка, когда возвышаетъ духъ человѣка надъ всѣмъ земнымъ, когда усыновляетъ его Богу, когда всякому открываетъ путь нравственной свободы ко всему доброму, когда всякому даетъ возможность достигать самыхъ высокихъ степеней внутренняго совершенства, когда для всѣхъ и каждаго переноситъ цѣли жизни изъ времени въ вѣчность? Какіе возвышенные виды, какъ бы ни былъ малъ человѣкъ! Какія широкія задачи, какъ бы ни тѣсна была жизнь! И при такихъ ли видахъ и задачахъ, какую бы то ни было малую жизнь въ христіанствѣ считать случайною и напрасною?

Но бываютъ тяжелыя минуты жизни для человѣка: минуты душевнаго разлада. Душа болитъ разочарованіемъ жизни, сомнѣніями, тоскою, высказывается ропотомъ. Тогда жизнь теряетъ для человѣка всякое значеніе; онъ самъ себя спрашиваетъ: „зачѣмъ дана ему жизнь? Ужели только на муку и казнь?“ Умъ, терзаемый всеотрицаніемъ, душа, волнуемая раздраженіемъ противъ жизни, сердце, опустѣвшее въ самомъ себѣ и охладѣвшее ко всему доброму, воля, ослабѣвшая въ своихъ нравственныхъ силахъ: какое это ужасное состояніе! Тогда ядъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу и угрожаетъ человѣку ужаснѣйшею смертію вдвойнѣ—нравственною и физическою. Что можетъ спасти тогда человѣка? Вспомни онъ тогда, что онъ христіанинъ; сквозь мракъ своихъ думъ сойди съ поверхности жизни въ глубь своей души; тамъ скрытъ забытый въ суетахъ жизни, заслоненный живыми образами міра, подавленный страстями, но никогда не угасаю-

щій, мирный, благодатный свѣтъ христіанства. Внеси въ этотъ свѣтъ свои думы, свои чувства и страданія; тогда освѣтится все, и душа и жизнь; тамъ примиришься съ жизнію и поймешь ея высокій смыслъ и назначеніе.

Послѣ всего этого, что вы скажете, если я представляю вамъ картину такого рода: представьте себѣ кругъ людей мертвыхъ,—не такихъ, которые лежатъ въ могилахъ, и не такихъ, которыхъ называютъ привидѣніями, а людей дѣйствительныхъ, только не живыхъ; мертвыхъ, однакожъ ходящихъ по землѣ, ядущихъ и пьющихъ, и поддерживающихъ всѣ обычныя житейскія соотношенія между собою и съ другими людьми, живыми. Можетъ ли это быть, скажете вы? Можетъ, скажу я: потому, что такіе живомертвые люди очень хорошо видимы тѣмъ, которые, *имѣютъ очи—видѣти*. Это ужасно! Не правда ли? Что же это за странныя существа? и чѣмъ они отличаются отъ другихъ, вполнѣ живыхъ людей? Таковы именно люди, у которыхъ есть только обликъ жизни, есть плоть жизни, но нѣтъ дѣла живаго, нѣтъ внутренняго, существеннаго дѣйствія истинной жизни; это люди, у которыхъ нѣту ни мысли въ головахъ, ни чувства въ сердцахъ, ни дѣла въ рукахъ, ни самосознанія въ духѣ, ни убѣжденій въ характерѣ, ни религіи въ совѣсти, ни правилъ въ нравственности, ни цѣли въ жизни. Какимъ же образомъ они существуютъ? Однимъ механическимъ дѣйствіемъ естественныхъ законовъ бытія; и самая смерть для нихъ не есть прекращеніе или смѣна жизни, которой, собственно говоря, у нихъ и не было, а только полное, окончательное раскрытіе во внѣ ихъ внутренней мертвенности; и выходитъ то, что Спаситель міра сказалъ одному изъ своихъ послѣдователей, просившему у Него позволенія идти на погребеніе отца: *мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ*. И еще ужаснѣе и отвратительнѣе становится эта мертвенная жизнь, когда за недостаткомъ оживляющаго духа хочетъ насильственно оживить ее искусство: и вотъ видятся толпы изукрашенныхъ, лицедѣйствующихъ, безъ смысла суетящихся, кружащихся въ конвульсивныхъ движеніяхъ мертвецовъ! Можно ли безъ ужаса и содраганія видѣть такое зрѣлище? И какъ его снести, когда такихъ мертво-живыхъ людей или живыхъ мертвецовъ не мало, очень не мало въ мірѣ, и они слишкомъ нерѣдко и повсюду встрѣчаются? Но вотъ и конецъ этихъ странныхъ людей,

исходъ того круга, общества міра, который они наполняютъ: это открываетъ намъ слово вышнихъ судебъ. „Ты, говорить судъ Божій одному представителю такого общества—и, надо замѣтить, общества христіанскаго, ты только имя носишь, что ты живъ, а ты мертвъ. Бодрствуй и дѣлай, что нужно близъ смерти. А не будешь бодрствовать, вотъ я найду на тебя, какъ тать, и ты не узнаешь, въ который часъ я найду на тебя“. (Апок. 3, 3).

Къ этимъ словамъ мнѣ нечего прибавлять.—

Голосъ съ Запада о желательной постановкѣ народной школы ¹⁾).

Недавно издатели „Педагогической библіотеки“ выпустили въ русскомъ переводѣ „Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи“ Л. Кельнера. По своимъ убѣжденіямъ Кельнеръ строгій христіанинъ, и его педагогическія сочиненія дышатъ высокимъ религіознымъ чувствомъ.

Дѣлу народнаго образованія Кельнеръ посвятилъ всю свою жизнь (родился 29-го января 1811 года, скончался 18-го августа 1892 года). Онъ работалъ на этомъ поприщѣ,—сначала въ должности народнаго учителя, а затѣмъ въ должности преподавателя учительской семинаріи и инспектора народныхъ школъ,—свыше шестидесяти лѣтъ. Кельнеръ замѣчательнъ и какъ глубокой теоретикъ-мыслитель. За высокія достоинства его педагогическихъ сочиненій ясно говоритъ уже то, что въ 1863 году онъ получилъ за нихъ степень доктора философіи. Его „Мысли о домашнемъ и школьномъ воспитаніи“ выдержали въ Германіи 12 изданій и были переведены на многіе европейскіе языки. „Мысли“ Кельнера можно назвать собраніемъ предисловій ко многимъ педагогическимъ сочиненіямъ, но только не потому, что они недостаточно полны, а потому, что чрезвычайно содержательны. Это—педагогическіе афоризмы. Въ нихъ нѣтъ строгаго плана, системы. Они имѣютъ видъ дневника. Но это не мѣшаетъ имъ производить на читателя цѣльное, глубокое впечатлѣніе.

Прежде всего Кельнеръ горячо ратуетъ противъ исключительно практическаго направленія школьнаго образованія. Не отрицая совсѣмъ

¹⁾ «Церк. Вѣд.» 1895, № 49.

пользы и значенія нѣкоторыхъ реальныхъ знаній и не имѣя ничего противъ ихъ сообщенія въ школѣ въ видѣ побочныхъ средствъ къ умственному развитію, Келльнеръ никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, чтобы знанія эти ставились цѣлью школьнаго обученія. „Меня всегда,—пишетъ онъ, охватываетъ неприятное чувство противорѣчія между цѣлью и средствомъ, когда на росписаніяхъ уроковъ нашихъ народныхъ школъ я нахожу безконечное сплетеніе всевозможныхъ предметовъ, особенно изъ области такъ называемыхъ реальныхъ знаній. Пока эти школы будутъ выпускать воспитанниковъ въ жизнь по достиженіи ими четырнадцати лѣтъ или даже немного моложе,—мы не въ состояніи будемъ сдѣлать по этимъ предметамъ чего-нибудь, что бы имѣло продолжительное значеніе для практической жизни; инспектора школъ, которые могутъ и хотятъ видѣть, легко убѣдятся по опыту, что всѣ успѣхи этой области, которыми предъ ними хвастаются,—большею частью мертвый хламъ въ памяти, не болѣе какъ крохи съ трапезы богатыхъ. Большая ошибка смотрѣть на матеріаль преподаванія въ этихъ предметахъ какъ на цѣль, потому что при существующихъ условіяхъ приобрѣтенное здѣсь знаніе будетъ всегда самое незначительное“.

Замѣчательно, что здѣсь здравый умъ простого народа, къ какой бы націи этотъ народъ ни принадлежалъ, всегда настроенъ противъ утилитарнаго направленія школы. Любви народа къ такой школѣ нельзя вызвать никакими узаконеніями, никакими принужденіями къ обязательному обученію. Въ Германіи, напримѣръ, гдѣ всѣ дѣти обязаны посѣщать школу, за пропуски дѣтьми уроковъ безъ уважительныхъ причинъ родители ихъ подвергаются наказаніямъ,—сперва замѣчаніямъ, а при повтореніи и денежнымъ штрафамъ. Но всѣ эти угрозы и наказанія „нисколько не помогаютъ дѣлу“. „Опытъ, говоритъ Келльнеръ, достаточно показываетъ, что свѣтская власть здѣсь сильна лишь на короткое время“.

Для того, чтобы вызвать у народа любовь къ школѣ, нужно „съ твердой рѣшительностью, съ обдуманномъ усердіемъ и руководствуясь цѣлесообразной методой, заботиться о томъ, чтобы народная школа дѣйствительно служила народу, приносила пользу народной жизни и отвѣчала народнымъ потребностямъ. Пусть школа дѣйствительно содѣйствуетъ распространенію здраваго образзанія, и народъ не замедлитъ признать ее“.

Здравое образованіе и цѣль школьныхъ стремленій, по мнѣнію нѣмецкаго педагога, не должны ограничиваться однимъ навыкомъ въ сознательномъ чтеніи, самостоятельномъ изложеніи мыслей и умственномъ счетѣ; ему должно быть заложено болѣе глубокое основаніе. „Я отсылаю, прибавляетъ Келльнеръ, къ посланію къ Ефесянамъ, гл. 4, 14—16; тамъ сказано больше, чѣмъ можно обдумать въ одинъ день“.

Изъ только что приведенныхъ словъ Келльнера ясно уже видно, что истинную задачу и цѣль школы онъ полагаетъ главнымъ образомъ въ воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанской вѣры и благочестія. „Школа, говоритъ онъ, должна образовывать исключительно религіозно-нравственныхъ и разумныхъ членовъ человѣческаго общества вообще и отечества въ особенности. Этимъ она пріобрѣтаетъ и сохраняетъ за собой свое истинное, отнюдь не низкое положеніе, такъ какъ, стремясь къ этой цѣли, она служитъ непреходящему, высоко поднимается надъ всѣми партіями и съ полнымъ правомъ можетъ требовать уваженія каждой изъ нихъ. Горе учителю, который этого не понимаетъ и оцѣниваетъ свое положеніе не съ этой точки зрѣнія“!

Единеніе школы съ Церковію, по мнѣнію Келльнера, есть самый вѣрный залогъ успѣха школьнаго дѣла. Народная школа впала бы въ заблужденіе, грозящее опасными послѣдствіями, если-бы подѣ влияніемъ крайней отвлеченной самонадѣянности только въ себѣ самой начала искать центръ тяжести, еслибы стала одну себя признавать и цѣнить какъ главнаго двигателя народнаго образованія, и чрезъ это постепенно отдалялась бы отъ единственнаго живаго источника всякаго образованія, отъ христіанской семьи и общества. вмѣстѣ съ тѣмъ она отказалась бы отъ благодарнѣйшей своей задачи,—отъ воспитанія, и забыла бы, что только то образованіе, которое совершается при внѣшней и внутренней помощи Божіей, имѣетъ вѣчную цѣну и обѣтованіе настоящей и будущей жизни. Вѣра христіанская, по мѣткому выраженію Келльнера, подобна огромному собору съ расписными окнами. Стоящіе наружи не видятъ сіянія, но находящимся внутри всякій лучъ открываетъ невыразимо-чудный блескъ.

Главнѣйшимъ предметомъ обученія въ народной школѣ долженъ быть Законъ Божій, вмѣстѣ съ обученіемъ родному языку и ариѣметикѣ.

Но религіозное образованіе не должно исчерпываться одними только уроками Закона Божія. Оно должно создаться всѣмъ строемъ,

духомъ школы. Религіозныя чувства учениковъ должны возбуждаться и укрѣпляться по возможности на всѣхъ школьныхъ урокахъ. Особенно благотворной въ этомъ отношеніи являются поэзія и музыка „Религія, говоритъ Кельнеръ, заключаетъ въ себѣ и поэзію: почему всякій разъ какъ религія вполне проникала и направляла человѣка, она соединялась съ искусствомъ и они сливались для изображенія того, на что не хватаетъ словъ у переполненнаго и радостнаго сердца“.

Религіозное обученіе дѣтей, по мнѣнію Кельнера, должно соединиться съ искусствомъ; и какъ уже давно мыслящіе учителя стараются усилить впечатлѣніе и воздѣйствіе на душу священныя разсказовъ, показывая соотвѣтствующія картины, такъ и чувства благодарности, довѣрія, благоговѣйнаго поклоненія, вѣры и любви слѣдовало бы посредствомъ священныя пѣсенной по возможности дѣлать болѣе глубокими, такъ сказать, болѣе вѣчными. Какъ на звукъ одной струны откликается другая, такъ и въ сердцахъ нашихъ оживаютъ благороднѣйшія чувства въ отвѣтъ на звуки, въ которыхъ когда-то излилась боговдохновенная душа пѣвца или поэта“. „Религіозныя стихотворенія, выученныя подъ руководствомъ учителя, должны долго храниться въ человѣческой душѣ, должны дать откликъ во время нужды и смерти, во время борьбы и побѣды, должны превратиться въ дѣйствіе внутренняго своего достоинства въ духовное сокровище народа, религіозно-поэтическихъ чувствъ котораго можетъ не понять только холодный поклонникъ разума“.

Говоря о религіозныхъ стихотвореніяхъ, Кельнеръ разумѣетъ подъ ними истинно-поэтическія, вдохновенныя произведенія, а не „различныя назидательныя стишки, сложенные какими-нибудь добродѣтельными стихокропателями на библейскіе или нравственныя сюжеты“. Такая поэзія, лишняя жизненной силы и содержанія, подобна, по справедливому замѣчанію нѣмецкаго педагога, однодневнымъ мотылькамъ, не переживающимъ школьныхъ годовъ, и на ней лежитъ не малая вина въ слабости религіознаго развитія, которое приносило въ жизни не плоды, а только пустоцвѣтъ.

Въ значительной мѣрѣ религіозное чувство дѣтей можетъ быть воспитываемо и разсказами изъ исторіи. Исторія въ строгомъ смыслѣ слова еще не принадлежитъ къ предметамъ обученія въ народной школѣ. Но нѣкоторые учителя, ослѣпленные громкимъ названіемъ

„исторія“, съ самодовольствомъ сообщаютъ дѣтямъ, говоритъ Келльнеръ, всю свою ученость и содержаніе своихъ руководствъ; они дѣлаютъ это тѣмъ охотнѣе, что при этомъ все дѣло сводится только къ памяти, и нужно очень мало настоящаго учительскаго умѣнья.

Въ народной школѣ, по мнѣнію Келльнера, должна преподаваться прежде всего Священная исторія, такъ какъ она—основаніе всякой исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ существенная опора религіознаго обученія. За ней естественно слѣдуютъ, какъ продолженіе, важнѣйшія свѣдѣнія изъ исторіи распространенія христіанства, какъ Царства Божія на землѣ. Знакомить дѣтей съ этимъ временемъ удобнѣе всего по жизнеописаніямъ, т. е. изображеніями въ живыхъ образахъ людей, много способствовавшихъ распространенію христіанства или временно препятствовавшихъ ему. Въ разказахъ изъ Священной исторіи и житіяхъ святыхъ, говоритъ Келльнеръ, учителя имѣютъ неисчерпаемый запасъ незамѣнимыхъ дѣтскихъ повѣствованій; они въ живыхъ образахъ открываютъ передъ мягкимъ дѣтскимъ сердцемъ сыновнее отношеніе человечества къ Богу, и неиспорченная душа никогда не можетъ ихъ вдоволь заслушаться. Горе учителю, который имѣетъ серьезное основаніе сказать: мои ученики уже знаютъ эти разказы, и имъ надоѣло ихъ слушать!

„Бѣдными умомъ и сердцемъ“ Келльнеръ считаетъ и тѣхъ учителей, которые не умѣютъ связать съ исторіей христіанства всего важнѣйшаго изъ отечественной исторіи. Если, говоритъ онъ, сердце его согрѣто любовью къ Царствію Божію, то онъ зажжетъ ее и въ дѣтяхъ; если есть въ немъ преданность отечеству, своими уроками онъ пробудитъ также и любовь къ родинѣ. „Тѣмъ не менѣе надо твердо помнить, прибавляетъ просвѣщенный педагогъ, что безъ вѣры невозможна истинная любовь къ отечеству, и послѣдняя безъ первой подобна дереву, посаженному въ сухомъ пескѣ. Оно цвѣтетъ иногда, но никогда не приноситъ плодовъ и засыхаетъ, какъ только наступитъ знойное лѣто“. „Не будемъ же забывать, восклицаетъ Келльнеръ, что нѣтъ никакой пользы для дѣтей въ знаніи множества именъ и чисель, если на ряду съ этими именами и числами имъ только сухо сообщаютъ, что сдѣлано тѣмъ или другимъ лицомъ. Этимъ нельзя зажечь любви къ отечеству! Только въ разказѣ, какъ совершилось извѣстное событіе, заключается живой смыслъ исторіи, въ этомъ сущность жизни историческихъ дѣятелей; этимъ возбуждается любовь и удивленіе къ нимъ“

Глубоко-справедливыя мысли Келльнеръ высказываетъ по поводу увлеченія современныхъ педагоговъ обученіемъ дѣтей по картинамъ. Назвавъ вмѣстѣ съ Фогелемъ это увлеченіе „идолопоклонствомъ предъ картинами“, Келльнеръ спрашиваетъ: „что же часто предлагается дѣтямъ при такомъ поклоненіи картинамъ? Стоитъ только внимательно разсмотрѣть книги! Война, битвы, сцѣны всевозможныхъ убійствъ—любимые предметы изображенія, и тутъ же потрошати челоуѣка, какъ убитое животное, чтобы дѣти пораньше точно ознакомились со всѣми отравленіями, общими у людей съ животными. Неужели не подумаютъ, что съ одной стороны фантазія дѣтей разгарается отъ такихъ изображеній, а съ другой—въ молодыхъ сердцахъ приушлается чувствительность ко всякому ужасу, и они научаются смотрѣть на убійство и на смертоносные удары, какъ на что-то обычное? Развѣ не извѣстно, какъ подобныя изображенія на картинахъ отвлекаютъ дѣтей отъ сущности предмета, возбуждая ихъ разсѣянность, и неужели не случалось замѣчать учителямъ, какъ любятъ шалуны дѣлать поправки на картинахъ чернилами и карандашомъ“?

Заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія разсужденія Келльнера о преподаваніи роднаго языка, на плохую постановку котораго въ нашихъ какъ низшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ давно раздаются жалобы.

Въ послѣднее время при обученіи родному языку особенно большое вниманіе стали обращать на грамматику. По признанію самихъ учителей, „грамматика и диктантъ всего болѣе берутъ времени, — даже въ ущербъ прочимъ предметамъ школьнаго обученія, которые приходится отводить на послѣдній планъ“.

Эта погоня за „безузоризненнымъ“ въ орфографическомъ отношеніи письмомъ объясняется тѣмъ, что на него „обращается преимущественное вниманіе на экзаменахъ“. „При неудовлетворительномъ экзаменаціонномъ диктантѣ, — жалуются учителя, — даже хорошій ученикъ не допускается къ испытанію по остальнымъ предметамъ“.

При такой постановкѣ обученія родному языку, нѣтъ ничего удивительнаго, что окончившіе курсъ въ народной школѣ „со свидѣтельствомъ“ не умѣютъ совѣмъ излагать свои мысли на бумагѣ: диктантъ не научитъ этому; фразы, даваемые для диктанта и имѣющія въ виду исключительно только орфографію, пишутся обыкновенно такимъ ужаснымъ языкомъ, который можетъ не научить, а скорѣе отучить уче-

никовъ отъ стремленія къ ясному, толковому изложенію мыслей.

Какъ истинно-просвѣщенный педагогъ, Келльнеръ подъ словами „знаніе родного языка“ разумѣть не одно только умѣнье писать „безукоризненные“ диктанты, а—и это главное—умѣнье владѣть роднымъ языкомъ. „Цѣль народной школы научить дѣтей владѣть книжнымъ языкомъ и такимъ образомъ не только сдѣлать доступными ихъ пониманію всѣ духовныя сокровища, заключенныя въ книгахъ, но и внушить имъ сознаніе ихъ принадлежности ко всему великому цѣлому, къ націи“.

Вмѣстѣ съ способностью понимать духовныя сокровища, заключенныя въ книгахъ, написанныхъ на родномъ языкѣ, ученики должны вынести изъ школы навыкъ и умѣнье свободно, ясно, логично, правильно излагать свои мысли на бумагѣ. „Ученикъ, который можетъ составить описаніе или написать письмо просто и обстоятельно, въ ясныхъ выраженіяхъ и безъ крупныхъ ошибокъ въ правописаніи, несомнѣнно хорошо обученъ родному языку, хотя бы онъ и не умѣлъ отличить прилагательнаго отъ нарѣчія“.

Научить учениковъ умѣнью владѣть роднымъ языкомъ можно будетъ только тогда, когда обучать языку въ школѣ будутъ „не съ конца, а съ начала“. Истинное несчастіе,—говоритъ Келльнеръ,—что большинство учителей, какъ скоро услышатъ объ изученіи языка, немедленно представляютъ себѣ длинную вереницу грамматическихъ правилъ и такимъ образомъ ставятъ конецъ на мѣсто начала. Сначала создалась не грамматика съ ея системой, а рѣчь, чистая, свѣжая, естественная дѣятельность; не языкъ выросъ изъ грамматики, а грамматика изъ языка. Еслибы часть драгоценнаго времени, которое теперь тратятъ на опредѣленіе именъ собственныхъ, существительныхъ, дѣйствительныхъ глаголовъ, подлежащихъ, дополненій, употреблялась учителями на практическое упражненіе дѣтей въ устной рѣчи, письмѣ и чтеніи,—мы увидѣли бы совсѣмъ иные плоды“.

Утверждать, будто нельзя объяснить дѣтямъ ни одного предложенія, не прибѣгая къ научнымъ опредѣленіямъ, значитъ, по мнѣнію Келльнера, отрицать у языка всякую силу. Ясное пониманіе хорошаго изреченія, дѣтской пѣсни или несложнаго разсказа, отчетливое, медленное повтореніе или изложеніе своими словами, потомъ записываніе его, если то дозволяетъ возрастъ, и на основаніи этого матеріала объясненіе простыхъ практическихъ понятій и правилъ—вотъ въ об-

сихъ чертахъ границы, которыхъ нужно придерживаться при первоначальномъ обученіи языку. Особенно не долженъ учитель пропускать ни одного дня безъ того, чтобы не заставить дѣтей *записать* что-нибудь правильно сказанное или повторенное.

Если учитель хочетъ плодотворно преподавать родной языкъ, если въ особенности онъ хочетъ научить дѣтей свободно и грамматически-сознательно выражать свои мысли устно и письменнo, онъ, по справедливому замѣчанію Келльнера, долженъ непременно самъ вполнѣ владѣть языкомъ. Ему должны быть вполнѣ ясны духъ и характеръ родного языка, проявляющіеся въ выразительныхъ словахъ, полныхъ звучности и жизни, въ поразительной точности выраженія, въ отчетливости, въ краткости и въ ясной простотѣ. А это нельзя узнать изъ одной грамматики; для этого необходимо постоянно имѣть дѣло съ вѣчно-живымъ языкомъ.

Высказавъ сожалѣніе, что учителя большею частью изучаютъ родной языкъ по бездарнымъ книгамъ для дѣтей, по сухимъ руководствамъ и учебникамъ, Келльнеръ говоритъ: „я желалъ бы, чтобы всюду, гдѣ дозволяютъ обстоятельства, учителя обращались къ свѣжимъ, поистинѣ животворящимъ источникамъ, струящимся неизсякаемо изъ произведеній родныхъ благороднѣйшихъ умовъ,—обращались съ увѣренностью, что изъ нихъ они почерпнутъ хотя немного юношеской свѣжести, настоятельно необходимой учительскому знанію. Изъ такихъ произведеній, если читать ихъ съ настоящимъ выборомъ и настоящимъ образомъ, можно лучше узнать родной языкъ, чѣмъ изъ сухихъ сборниковъ и новѣйшихъ дѣтскихъ разсказовъ“.

Научить учениковъ хорошо писать, т. е. излагать свои мысли на бумагѣ, можетъ, по мнѣнію Келльнера, только тотъ учитель, который самъ владѣетъ перомъ. Учитель, не владѣющій перомъ, „не въ состояніи научить другихъ,—болѣе того: онъ не можетъ даже съ успѣхомъ исправлять! Онъ принужденъ занимать изъ книгъ всѣ примѣры для упражненій, всякое письмо, всякую росписку, онъ рабски связанъ съ книгами и потому не можетъ приспособлять своихъ примѣровъ къ условіямъ мѣста и времени, однимъ словомъ, онъ несовершеннѣйшій, онъ не свободенъ“.

Учителю, желающему добра себѣ и своей школѣ, нѣмецкій педагогъ совѣтуетъ не пропускать дня безъ строки, т. е. безъ какого-нибудь упражненія въ письменномъ выраженіи мыслей,—хотя бы это

было только подготовкой къ уроку. „Я не боялся бы тогда, восклицаетъ Келльнеръ, и за успѣхъ его въ преподаваніи языка: тогда приносили бы пользу и хорошія руководства“!

Большое значеніе при обученіи родному языку имѣеть выразительное чтеніе, на которое какъ на Западѣ, такъ особенно и у насъ въ Россіи не обращается никакого вниманія. „На урокахъ чтенія, какъ они теперѣ небрежно и невнимательно ведутся, замѣчаетъ Келльнеръ, рѣшительно невозможно научить хорошо читать“.

Обычное школьное дѣло это—монотонное чтеніе нараспѣвъ. Такое чтеніе, по выраженію Келльнера, „превращается въ терзаніе для слуха“. Для того, чтобы достигъ въ школѣ хорошаго чтенія, по мнѣнію нѣмецкаго педагога, необходимы три условія: образцовый примѣръ—учитель, пониманіе читаемаго и, наконецъ, естественность и соблюденіе правила: „Читай такъ (съ такимъ выраженіемъ), какъ ты сталъ бы говорить“! „Только при исполненіи этихъ требованій можетъ исчезнуть непріятная, монотонная школьная манера читать нараспѣвъ“.

Въ настоящее время чаще, чѣмъ когда-либо, приходится читать и слышать жалобы на слабые успѣхи средней и низшей школы. Большинство недовольныхъ объясняетъ это печальное явленіе педагогической неопытностью, неподготовленностью нашихъ учителей—недостаточнымъ знакомствомъ ихъ съ методами и приѣмами обученія.

Но такой взглядъ на учительскую дѣятельность не вѣренъ. Если бы учительство было ремесло, тогда, нѣтъ словъ, хорошее знакомство учителей съ методами обученія тому или другому школьному предмету, было бы самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за успѣхъ школьнаго дѣла. Но вѣдь учительская дѣятельность не есть ремесло. Это—живое, духовно-нравственное дѣло, требующее напряженія всѣхъ силъ души. Однимъ изученіемъ и знаніемъ методовъ и приѣмовъ обученія здѣсь нельзя ничего сдѣлать.

Нѣтъ, не въ знаніи методовъ и приѣмовъ обученія нуждаются больше всего наши учителя низшей и средней школы. Они нуждаются прежде всего въ серьезномъ, истинно-христіанскомъ воспитаніи. А вотъ этого-то воспитанія и не даютъ имъ часто тѣ учебныя заведенія, въ которыхъ они готовятся къ своей высокой и отвѣтственной дѣятельности.

Что одно изученіе методовъ преподаванія не способно еще сдѣлать хорошаго наставника, это можно видѣть на нѣмецкихъ учителяхъ.

Въ нѣмецкихъ учительскихъ семинаріяхъ ученики, по словамъ Кельнера, „постоянно слышатъ о методѣ и безъ поклоненія этой богинѣ не смѣютъ сдѣлать шага впередъ“. По выходѣ изъ семинаріи, они „остаются вѣрными этому поклоненію, постоянно берутся съ методой, только и говорятъ и думаютъ, что о ней“. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи „изъ ста учителей по крайней мѣрѣ одинъ издалъ азбуку или руководство“. Отсюда „различныхъ методическихъ руководствъ для всѣхъ отдѣловъ и отдѣльчиковъ преподаванія появляется неизмѣримое множество“.

Не смотря на это, хорошихъ народныхъ учителей въ Германіи можно встрѣтить очень рѣдко. И что особенно замѣчательно, наиболѣе слабыми учителями „являются „охотники за методами“. „Они странствуютъ, говоритъ Кельнеръ, изъ школы въ школу, посѣщаютъ разные уроки, съ трепетомъ разсматриваютъ тетради, спрашиваютъ постоянно о методахъ и особенно о принятыхъ руководствахъ и стремятся такими мелочными поисками открыть методу, которая предъявляла бы наименьшія требованія къ ихъ драгоценной особѣ, но которая дѣйствовала бы съ полнымъ и несомнѣннымъ успѣхомъ. Такіе ищущіе—люди, лишены истиннаго учительскаго вдохновенія, но желающіе закрыть свою внутреннюю пустоту внѣшнимъ блескомъ. Для нихъ важнѣе всего руководства и программы“.

По убѣжденію Кельнера, учителю болѣе всего необходима истинная самоотверженная любовь къ дѣлу. „Она согрѣваетъ насъ, она чрезъ взоры наши проникаетъ въ дѣтскую душу, такъ что отъ жизни зажигаетъ жизнь“.

Эту любовь можетъ вдохнуть въ учителя только религія. Безъ религіи, по глубоко-вѣрному замѣчанію нѣмецкаго педагога, нѣтъ истинно-дѣйствующей плодотворной методы. „Только при глубокомъ религіозномъ чувствѣ возможно истинное пониманіе міра и жизни, истинный взглядъ на всѣ отношенія и науки. Религіозная мысль видитъ на землѣ лишь отблескъ величія Небеснаго Отца и въ простотѣ и самозабвенной преданности радуется созданіямъ Бога и искусства. Взоръ истиннаго художника направленъ къ небу и почерпаетъ свыше благодатную мысль. Только въ Богѣ и съ Нимъ учитель можетъ достигнуть того творческаго духа, который дѣлаетъ его художникомъ!“

Въ той мѣрѣ, въ какой учитель есть свѣжій, бодрый, разсудительный и благочестивый человѣкъ, полный жизненной силы и дѣтской

простоты, полный горячаго чувства къ Богу и всему божественному, въ той самой мѣрѣ носить онъ въ самомъ себѣ методу и можетъ быть названъ учителемъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова.

Вмѣстѣ съ живымъ религіознымъ чувствомъ и горячею любовію къ дѣлу учитель долженъ носить въ своемъ сердцѣ самую нѣжную любовь къ дѣтямъ. „Отъ народнаго учителя, говоритъ Келльнеръ, наиболѣе требуютъ „сердца“, какъ будто народъ знаетъ, что въ немъ, а не въ головѣ надо искать истиннаго двигателя и центръ тяжести воспитательной и учительской дѣятельности, — отъ него съ увѣренностью ждутъ наставленій, идущихъ отъ сердца къ сердцу, отъ его жизни — свидѣтельства истинности его ученія, и не требуютъ строгихъ математическихъ доказательствъ“.

Келльнеръ весьма удачно сравниваетъ дѣскій возрастъ, требующій и инстинктивно ожидающій поддержки отъ каждаго взрослого, особенно отъ родителей и воспитателей, — съ вьющимся растеніемъ. „Какъ вьющееся растеніе, если не находитъ колонны, поднимающейся къ небу, цѣпляется за приземистый кустарникъ, за покрытые мхомъ камни и дѣлитъ ихъ участь, — такъ дитя, жаждущее любви и нуждающееся въ помощи, привязывается даже къ слабымъ и дурнымъ людямъ, чтобы только найти какую-нибудь опору, хотя эта опора и не можетъ оказать ему надежной поддержки въ жизненныхъ буряхъ. „Благо той школѣ, гдѣ учитель — что крѣпкій дубъ, около котораго можетъ обвиться нѣжный плющъ — ребенокъ, и въ которомъ онъ находитъ руководителя кверху, откуда только и даются благословеніе и миръ. Но какъ растеніе не обвивается около ледяного столба, такъ и дѣтская душа не привязывается къ холодному, лишенному любви сердцу, и потому тамъ, гдѣ учитель не имѣетъ любви, все обманъ и притворство“.

Привѣтливость къ дѣтямъ и способъ ученія Спасителя, Его образы и притчи, кротость и терпѣніе Его являются высочайшими, недосягаемыми примѣрами, которыми должна руководиться всякая умственная дѣятельность. Притчи Его о сѣятелѣ, о плевелахъ, о блудномъ сынѣ и талантахъ однѣ стоятъ, по глубоко-справедливому замѣчанію педагога-христіанина, цѣлою педагогикой.

По мнѣнію Келльнера, во всякой школѣ слѣдовало бы повѣсить изображение Спасителя, допускающаго къ себѣ дѣтей для благословенія: „Не разъ взглядъ, брошенный учителемъ на эту картину, оста-

новилъ бы жестокое слово на языкѣ и заставилъ бы выпустить изъ руки розгу“.

Холодность, переходящая часто въ жестокость къ дѣтямъ, у многихъ современныхъ педагоговъ бываетъ слѣдствіемъ ихъ „научнаго“ взгляда на ребенка, какъ на „животное, изъ котораго воспитаніе должно сдѣлать человѣка“.

Педагога съ такими дикими, пошлыми воззрѣніями на человѣка нельзя расположить къ дѣтямъ. Онъ не можетъ, онъ не въ состояніи, по самому своему извращенному душевному складу, любить ихъ. Истинно-человѣческое, христіанское отношеніе къ дѣтямъ можетъ быть у такого учителя-воспитателя, который и на душу человѣка смотритъ по-христіански. Поэтому-то Келльнеръ усердно напоминаетъ учителямъ, чтобы они относились къ личности ученика съ уваженіемъ. „Какимъ учителемъ ты былъ бы, если бы могъ презирать малыхъ сихъ и забывать, что они все куплены кровію Господа Іисуса Христа, что все они предназначены сдѣлаться гражданами неба и наследниками блаженства и что уже при крещеніи на нихъ возложено высочайшее, равное вѣнцу царскому, украшеніе? Какъ много дѣтей остаются неузнанными своими родителями и учителями! Какъ много считавшихся тупицами просвѣщали потомъ весь міръ! Какъ много мальчиковъ, по-видимому, упрямыхъ и злыхъ, впоследствии сдѣлались благороднѣйшими людьми! И тутъ можно приложить слова Писанія: „Не судите, да не судимы будете!“

Съ другой стороны, какъ часто, можетъ быть, случалось, что ребенокъ, не понятый и воспитанный по предвзятымъ представленіямъ о немъ, дѣйствительно дѣлался тѣмъ, чѣмъ его неосновательно считало воображеніе его воспитателей. Въ старинной сказкѣ одинъ человѣкъ начинаетъ наконецъ вѣрить, что онъ умеръ, потомъ только, что все обходятся съ нимъ, какъ съ мертвымъ, и испуганно убѣгаютъ при его появленіи. И духовная смерть, замѣчаетъ Келльнеръ, нерѣдко наступаетъ тамъ, гдѣ преждевременно ее предполагаютъ, и если все толкуютъ, что ты слабъ и ограниченъ, и такъ съ тобой обходятся, то неудивительно, что въ тебѣ пропадаетъ сила и самоувѣренность, и твои робкіе поступки начинаютъ наконецъ оправдывать общее мнѣніе. И потому мнѣ всегда рѣзало, какъ ножомъ, сердце, когда при моихъ ревизіяхъ учителя громогласно называли нѣкоторыхъ

учениковъ совершенно неспособными, глухими отъ природы, — такими, съ которыми „ничего уже и не подѣлаешь“.

Въ послѣднее время любимымъ и распространеннымъ средствомъ для поощренія учителей къ дальнѣйшему образованію сдѣлались сѣзды. Они должны поднимать умственный уровень всѣхъ учителей, но особенно должны они возбуждать рвеніе ихъ къ практической сторонѣ дѣла.

По авторитетному мнѣнію Кельнера, эти сѣзды до сихъ поръ, въ общемъ, не принесли существенной пользы. „Правда, говоритъ онъ, на многихъ изъ нихъ не мало писалось, составлялось отчетовъ и говорилось рѣчей; но они большей частью давали пищу только духу поверхностности и тщеславія“.

Сѣздамъ ставятъ часто самую узкопрактическую цѣль; вслѣдствіе такой односторонней точки зрѣнія, они касаются только ближайшихъ вопросовъ учительскаго дѣла. На нихъ спорятъ о методахъ, о случаяхъ нарушенія дисциплины, о пропускахъ уроковъ и проч., привыкая принимать неважное за самую сущность дѣла; рѣдко исходятъ изъ принциповъ и основаній, смѣшиваютъ приемъ съ методой и часто проявляютъ такую страсть къ спорамъ, что внимательному наблюдателю чуть не дѣлается дурно, особенно въ виду глубокаго убѣжденія заинтересованныхъ сторонъ въ необыкновенной важности совершаемаго ими дѣла.

Для того, чтобы сѣзды дѣйствительно приносили пользу, надо освободиться отъ узкаго взгляда на учительство, какъ на ремесло, и особенно надо твердо держаться убѣжденія, что все содѣйствующее умственному поднятію учителя и его общему развитію, все это служитъ на пользу также и его ближайшимъ обязанностямъ. „Я бы совѣтовать изчальствующимъ лицамъ, пишетъ Кельнеръ, постепенно проходить съ учителями хорошія, бюющія въ самую точку сочиненія, особенно же хорошія жизнеописанія выдающихся педагоговъ, и по этому поводу возбуждать бесѣды то пояснительныя, то непосредственно вызванныя самымъ чтеніемъ. Для учителей главное — научиться настоящему обращенію съ хорошей книгой, научиться сознавать важность прочныхъ основныхъ убѣжденій. Это сознаніе дороже пустыхъ толковъ о методахъ и бесполезныхъ споровъ о мелочахъ, такъ какъ оно вызываетъ смиреніе и ставитъ человека на твердую почву, научая его искать помощи въ самомъ себѣ“.

Всего отраднѣе, — заключаетъ Келльнеръ, — мнѣ показался бы съѣздъ, учредители котораго сумѣли бы возбудить и поддержать идеальный взглядъ на учительское призваніе, любовь и горячее отношеніе къ дѣлу, и потомъ ставили бы воспитательную сторону учительской дѣятельности не ниже преподавательской. Во всякомъ случаѣ каждый съѣздъ долженъ быть свѣтлымъ и праздничнымъ днемъ въ жизни учителя, вотъ почему и здѣсь всего вреднѣе „слишкомъ многое“.

Всякое внутреннее улучшеніе народной школы стоитъ въ самой тѣсной связи съ духомъ и жизнью тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя готовятъ учителей. „Эти заведенія, говоритъ Келльнеръ, должны создать личность и сердце, должны воспламенить рвеніе, необходимы для народа и его школъ“.

По неоспоримому убѣжденію нѣмецкаго педагога, только благородные люди могутъ воспитать благородныхъ людей. Хороши широкіе знанія и взгляды на жизнь; прирожденная способность учить еще лучше, но всего лучше есть и всегда будетъ чистый, безупречный нравъ, живой примѣръ проникнутой божественнымъ духомъ дѣятельности и усердія къ дѣлу, спокойное, ясное настроеніе, полное кроткой строгости и строгой кротости. И если нашлись люди такой нравственной высоты, то надо крѣпко удерживать ихъ на этой въ высшей степени важной должности до самаго снѣга старости, такъ какъ для такихъ характеровъ, прибавляетъ Келльнеръ, лучшій вѣнецъ — сѣдая голова.

А. Рождествинъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1896 г. на

МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ. Каждый №-ръ въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ.

Московскія Церковныя Вѣдомости имѣютъ своею цѣлію доставлять серьезное чтеніе по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, церковно-историческимъ и практи-

87. 157

ческимъ не для духовныхъ только, но и свѣтскихъ лицъ, интересующихся церковными вопросами.

Согласно утвержденной Св. Синодомъ программѣ, въ составъ Московскихъ Церковныхъ вѣдомостей будутъ входить:

1. Слова и поученія, особенно выдающіяся.
2. Статьи (по временамъ передовыя), обсуждающія различные вопросы и явленія жизни общественной, имѣющія то или иное соприкосновеніе съ жизнью Церкви, а также рефераты, читанные и обсуждаемые въ очередныхъ собраніяхъ Общества.
3. Очерки изъ исторіи Церкви—преимущественно русской, въ которыхъ будутъ сообщаться свѣдѣнія о замѣчательныхъ эпохахъ и дѣятеляхъ въ пользу православія, а также о движеніи въ расколѣ и проявленіяхъ сектантства съ осужденіемъ ихъ.
4. Замѣтки и сужденія по вопросамъ пастырской практики.
5. Свѣдѣнія о благотворительныхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ Московской епархіи, куда войдутъ сообщенія изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.
6. Московская хроника, сообщающая недѣльные свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ церковной и гражданской жизни и пастырской дѣятельности духовенства.
7. Библиографія: замѣтки о вновь появляющихся въ свѣтъ книгахъ, выдающихся чѣмъ либо журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ,—обозрѣніе духовныхъ журналовъ.
8. Извѣстія и замѣтки, гдѣ будутъ отмѣчаться разнообразныя свѣдѣнія о событіяхъ современной жизни (церковной и общественной)—мѣстныхъ, иногородныхъ—корреспонденціи.
- 9) Официальный отдѣлъ, въ которомъ печатаются Высочайшія повелѣнія, Указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода, распоряженія Московскаго Епархіальнаго Начальства, распоряженія и отчеты мѣстныхъ епархіальныхъ учрежденій и т. п.

Кромѣ этого, въ 1896 году Московскія Церковныя Вѣдомости дадутъ читателямъ статьи съ историческо-археологическимъ описаніемъ Московской церковной старины и чтимой святыни.

Московскія Церковныя Вѣдомости имѣютъ въ виду предлагать сужденія о фактахъ и явленіяхъ жизни съ точки зрѣнія ученія Православной Церкви,—подвергать обсужденію тѣ вопросы, которые вызываются самою жизнью и потребностями времени и потому должны представлять живой—современный интересъ.

По временамъ будутъ помѣщаться иллюстраціи.

Подписка принимается: а) въ Епархіальной библиотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ на Петровкѣ; б) въ редакціи: Б. Якиманка, церковь Петра и Павла, квартира священника Іоанна Оеодоровича Мансветова; в) въ конторѣ Печковской—на Петровкѣ.

На годъ съ перес. 5 р.—безъ пер. 3 р. 50 к. На полгода съ пер. 3 р.—безъ пер. 2 р.

Редакторъ священникъ Іоаннъ Мансветовъ.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1896 годъ.

(второй годъ изданія)

НА ЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ“,

издаваемый „Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ въ С.-Петербургѣ.

Въ журналѣ «Спб. Духовный Вѣстникъ» печатаются синаксари въ русскомъ переводѣ, житія святыхъ въ видѣ краткихъ бесѣдъ, слова, бесѣды и поученія на предстоящіе праздники или церковныя событія и письма еп. Феофана-завворника.

Протоіерей І. И. Сергіевъ (Кронштадтскій) далъ для журнала два свои дневника: первый, за 1865 г., и другой—последній—за 1894 г., обѣщавъ свое сотрудничество и впредь.

Профессоръ Н. И. Барсовъ передалъ въ распоряженіе редакціи нигдѣ не напечатанныя статьи протоіерея Г. П. Павскаго.

Руководящія статьи посвящаются важнымъ вопросамъ и событіямъ изъ столичной и общей церковной жизни. Къ объясненію празлниковъ по временамъ будутъ прилагаться древнѣйшія изображенія ихъ. Будутъ печататься свѣдѣнія о состояніи раскола и сектантства въ столицѣ, епархіи и Россіи, о прошлой церковной жизни по памятникамъ старины и письмамъ историческихъ дѣятелей, о состояніи церковной и общественной жизни и просвѣщенія въ другихъ епархіяхъ и за-границей.

Служа органомъ «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви и С.-Петербургской епархіи, „Спб. Духовный Вѣстникъ“ имѣетъ задачей дать полную картину жизни, просвѣщенія и благотворительности въ епархіи, совершающихся подъ покровомъ Православной Церкви, и обзоръ религіозно-просвѣтительной дѣятельности столичнаго «Общества».

Программа журнала слѣдующая:

Слова, поученія, бесѣды и статьи богословскаго характера.

Руководящія статьи по вопросамъ церковно-общественной жизни, особенно же по вопросамъ пастырской практики и религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ духѣ православной церкви.

Петербургская хроника, сообщающая свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ церковной и общественной жизни народа, о состояніи церковно-приходскихъ школъ въ С.-Петербургской епархіи, пастырской дѣятельности духовенства въ С.-Петербургѣ и его уѣздахъ, о дѣятельности „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“, о мѣстныхъ праздникахъ, мѣстно-чтимыхъ иконахъ, крестныхъ ходахъ, благочестивыхъ обычаяхъ и т. п.

Церковно-историческія и археологическія сообщенія и воспоминанія.

Свѣдѣнія о церковной жизни въ другихъ епархіяхъ.

Извѣстія о церковной жизни за границей.

Библиографическія замѣтки.

Корреспонденціи о предметахъ церковной жизни.

Разныя извѣстія.

Извѣстія по С.-Петербургской епархіи

Распоряженія Правительства, касающіяся С.-Петербургской епархіи.

Распоряженія С.-Петербургскаго епархіальнаго начальства, какъ-то: о назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ священно-церковнослужителей, утвержденіи и увольненіи церковныхъ старостъ, утвержденныхъ составахъ церковно-приходскихъ попечительствъ и проч.

Извлеченія изъ отчетовъ по обозрѣнію церковей С.-Петербургской епархіи. Отчеты мѣстныхъ епархіальныхъ учреждений: попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, съѣзда депутатовъ духовенства, духовно-учебныхъ заведеній, епархіальнаго Братства во имя Пресвятыя Богородицы, епархіальнаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества, свѣчнаго завода, эмеритальной кассы, приходскихъ попечительствъ, братствъ, церковно-приходскихъ школъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ съ доставкой и пересылкой—5 р., $\frac{1}{2}$ года —3 р.; за-границу—6 р. Въ розничной продажѣ 10 к. за №.

Журналъ выходитъ по пятницамъ, въ размѣрѣ не менѣе $1\frac{1}{2}$ печатнаго листа каждый №.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, уголь Николаевской и Стремянной ул., д. № 5—21. Редакція, для личныхъ объясненій съ редакторомъ, открыта по четвергамъ отъ 2 до 3 ч. дня.

Подписка принимается въ конторѣ, которая открыта ежедневно съ 10 час. утра до 4 ч. пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ конторѣ продаются и отдѣльные №№ журнала. Имѣются экземпляры журнала за 1895 г. по 5 руб.

Редакторъ, священникъ Философъ Орнатскій.

О подпискѣ въ 1896 году на журналъ

„Миссіонерскій Сборникъ“

издаваемый Братствомъ святаго Василія, епископа Рязанскаго.

[Шестой годъ изданія].

«Миссіонерскій Сборникъ» имѣетъ своею цѣлю служить интересамъ св. Церкви Христовой въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядства, русскимъ сектантствомъ рационалистическаго и мистическаго направленія и магометанствомъ.

Издается по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ и состоящей изъ 4-хъ отдѣловъ. Отд. I: Узаконенія и распоряженія гражданской и церковной власти. Официальные отчеты.—Отд. II: Научно-литературныя статьи. Бесѣды и поученія. Неизданные памятники древности. Библиографія. Списки книгъ.—Отд. III: Извѣстія по Рязанской епархіи.—Отд. IV: Обзоръ текущихъ событій въ иныхъ епархіяхъ.

Выходитъ разъ въ два мѣсяца, книжками до 5 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 2 рубля.

Адресъ: гор. Рязань, въ редакцію „Миссіонерскаго Сборника“.

Объ изданіи миссіонерскаго журнала

„ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ“

въ 1896 г.

(Четвертый годъ изданія)

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“, съ помощію Божіею, будетъ продолжаться и въ 1896 году.

„Православный Благовѣстникъ“, какъ органъ Православнаго миссіонерскаго Общества, имѣетъ своею цѣлю — съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой — возможно-полное, всестороннее и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условий, среди которыхъ она совершается въ настоящее время.

По неложному обѣтованію Господа, всѣ народы и племена земные, въ предопредѣленное для нихъ Божественнымъ Провидѣніемъ время, должны вступить въ церковь Христову для своего духовнаго возрожденія и спасенія. Но какъ они могутъ сдѣлать это „безъ проповѣдующаго? Како увѣруютъ, его же не услышаша?“ (Римл. X, 14—15). Поэтому проповѣдь Евангелія народамъ, еще не озареннымъ свѣтомъ истиннаго Боговѣдѣнія, или такъ называемое миссіонерское служеніе

было одною изъ самыхъ существенныхъ потребностей, однимъ изъ главнѣйшихъ служеній въ церкви Христовой отъ ея основанія и до нынѣ.

Уже давно, около тысячи лѣтъ тому назадъ, и наша Русская земля услышала слово Евангельскаго благовѣстия, и Русскій народъ вступилъ въ благодатное царство Христово, сдѣлавшись наслѣдникомъ его высокихъ обѣтованій. Съ тѣхъ поръ св. вѣра Христова стала самымъ драгоценнымъ достоянiемъ русскаго народа и самую животворною силою всей его жизни и исторiи: вѣрою строилась вся исторiя Россiи, вѣрою прежде всего крѣпокъ и силенъ русскiй народъ.

Съ постояннымъ расширенiемъ предѣловъ русскаго государства, въ него вошло весьма много различныхъ племенъ, невѣдущихъ истиннаго Бога и до нынѣ еще, къ сожалѣнiю, коснѣющихъ во тьмѣ язычества и идолопоклонства. Потому не прямой ли и священнiй долгъ каждаго сына православной церкви приложить, по мѣрѣ данной ему отъ Господа благодати, всѣ свои старанiя и усилiя къ тому, чтобы и эти наши сограждане, эти наши младшiя братья, услышали наконецъ слово спасенiя и были приведены въ ограду церкви Христовой?

Но этого мало.—Государственный ростъ Россiи еще далеко не закончился... Все далѣе и далѣе подвигается русское владычество въ глубь Азiи, приобщая къ русскому царству новыя племена, еще не озаренныя свѣтомъ Христовой вѣры. Не одинъ только церковный интересъ, но и государственная мудрость требуетъ, чтобы эти племена прочно привились къ русскому государственному организму и духовно сроднились съ русскимъ народомъ, а историческiй опытъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что приобщенiе инородцевъ къ русскому народу и единенiе съ нимъ вѣрибѣе и успѣшнѣе всего совершаются чрезъ обращенiе ихъ въ христіанство, чрезъ усвоенiе ими началъ православiя. Далѣе,—совершающiяся на нашихъ глазахъ историческiя перемѣны на дальнемъ Востокѣ Азiи,—въ Японiи и Китаѣ,—указываютъ на то, что на арену исторiи выступаютъ новыя языческiя имперiи,—огромныя по числу населенiя,—съ которыми нашему отечеству, уже по самому географическому его положенiю, неизбѣжно приходится стать въ живыя и близкiя сношенiя. Ужели сокровище православiя, уже открытое для Японiи и плодъ много приносящее тамъ, и теперь останется по прѣжнему недовѣдомымъ для Китая и не озаритъ своимъ животворнымъ свѣтомъ его вѣковую духовную косность?

Наконецъ, и въ Америкѣ есть наша православная миссиа, въ которой потрудился нѣкогда приснопамятнiй миссионеръ Иннокентiй, впоследствии митрополитъ Московскiй. Промыслу Божию угодно, чтобы Америка все болѣе и болѣе знакоилась съ православiемъ и располагалась къ нему. Въ этой далекой отъ насъ странѣ живетъ кромѣ того много нашихъ братьевъ славянъ, стремящихся къ единенiю съ православiемъ, какъ религiею нѣкогда общею всему славянскому миру.

Вотъ какъ обширенъ кругъ дѣятельности для православной миссиа,—какъ велика и трудна работа ей предстоящая! И нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что свѣдѣнiя объ истинно-апостольской дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссионеровъ) не могутъ не представлять живаго интереса для всѣхъ тѣхъ, кому дѣйствительно дороги усѣхи православной церкви и русской гражданственности.

Сообщеніе этихъ, имѣющихъ столь важное церковно-государственное значеніе, свѣдѣній, — живое и вѣрное изображеніе съ разныхъ сторонъ православія въ его соприкосновеніи съ чуждыми и враждебными ему элементами язычества и магометанства и будетъ составлять главное и существенное содержаніе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“.

Программа журнала слѣдующая:

I. Отдѣлъ официальный. Постановленія и распоряженія правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества.

II. Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи.

III. Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ. Очерки этнографическіе, изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники — въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности, внѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь, условія, благопріятствующія проповѣди, или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя къ утвержденію православія между новообращенными инородцами и сближенію ихъ съ русскими. Просвѣтительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ.

IV. Очерки и рассказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ.

V. Миссіонерская дѣятельность на западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ.

VI. Извѣстія и замѣтки: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и др.

VII. Библиографія. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству.

VIII. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій.

IX. Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія четыре рубля 50 коп. безъ пересылки и пять рублей съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи журнала «Православный Благовѣстникъ»,

а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтенка, домъ Спасской церкви.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за 1893 и 1894 годы могутъ быть высланы по четыре рубля.

Редакторъ Николай Комаровъ.

3—1

Объ изданіи въ 1896 году праздничнаго журнала

„Радость Христіанина“

при чтеніи БИБЛІИ, какъ слова жизни.

(Пятый годъ).

Жуналь „Радость Христіанина“ имѣетъ цѣлю свою: посредствомъ всесторонняго изученія Библіи, при руководствѣ хранителей Свящ. Преданія, преимущественно первыхъ вѣкѣвъ Церкви Христовой, раскрывать духъ истиннаго христіанства, какъ религіи мира, свѣта и радости, дарованной для приготовленія къ вѣчному блаженству (Іоан. 15, 11), и тѣмъ способствовать жизненному усвоенію свѣтлыхъ истинъ Божественнаго откровенія и огражденію Священнаго текста Библіи отъ произвольныхъ толкованій, порождающихъ различныя печальныя явленія въ обществѣ.

Книжки „Радости Христіанина“ имѣютъ предметовъ своимъ: торжество праздника, вызывающее, при освященіи Библейскимъ ученіемъ, различныя мысли и чувства; раскрытіе истинъ Божественнаго Откровенія въ памятникахъ церковнаго Богослуженія; истолковательное чтеніе текста Библіи; ученіе вѣры и нравственности, какъ выясняется оно различными мѣстами Библіи; чтеніе Библіи въ школахъ; дѣло распространенія книгъ Свящ. Писанія, домашнее чтеніе ихъ и отраженіе Библейскихъ началъ въ жизни общества.

Общее содержаніе книжекъ „Радость Христіанина“ опредѣляется праздниками.—Каждая книжка, по возможности, представляетъ собою нѣчто цѣлое въ отношеніи къ опредѣленному празднику, насколько Библейское ученіе указываетъ значеніе, смыслъ и радость праздника.

ОТДѢЛЪ СТАТЕЙ:

I.—Изъ твореній св. Отцевъ и Учителей Церкви.

II.—Изъ трудовъ представителей церкви послѣдняго времени, какъ прибавленіе къ твореніямъ св. Отцовъ.

III.—Памятники церковнаго Богослуженія, какъ выраженіе и выясненіе Божественнаго Откровенія: богослужебныя пѣсни и молитвы, древнія иконы и стѣнныя священныя изображенія, символы и обряды.

IV.—Ученіе Библіи.—Истолковательное чтеніе текста; Библейскіе очерки; раскрытіе Богооткровеннаго ученія о вѣрѣ и нравственности, въ соотвѣтствіе

требованіямъ современной жизни; относящаяся къ сему церковно-историческія скан- занія; объясненіе Библии въ школахъ.

V.—Духовныя стремленія въ свѣтскомъ обществѣ, какъ отраженіе Библейскихъ началъ и ученія церкви въ жизни общества и произведеніяхъ свѣтскихъ писателей.—Выдержки изъ сочиненій представителей свѣтской литературы, узаканія духовныхъ журналовъ и статьи свѣтскихъ лицъ. Законъ Божій въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ (мужскихъ и женскихъ).

VI.—Струи благодатной жизни.—Проявленія благодатнаго дѣйствія Слова Божія въ жизни; размышленія, рассказы и разныя записи.

VII.—Извѣстія и замѣтки.—Преимущественно извѣстія о распространеніи книгъ Свящ. Писанія въ Россіи и другихъ странахъ свѣта. Библиографія. Замѣтки при чтеніи текста Библии: 1) мысли и чувства, 2) запросы и отвѣты.

Объявленія.

Примѣчаніе. Изъ произведеній Запада помѣщаются переводы только тѣхъ, которые, при особенно выдающихся достоинствахъ своихъ въ жизненномъ выясненіи Священнаго текста, не только подходят къ направленію журнала, но и самымъ содержаніемъ своимъ какъ бы оправдываютъ православное ученіе, раскрываемое въ «Радости Христіанина». (Ср. 1 Оес. 5, 21).

ПРИЛОЖЕНІЯ.—1) Въ началѣ книжекъ «Радости Христіанина», иногда же и въ самомъ текстѣ статей, помѣщаются археологическіе рисунки, преимущественно иконографическіе, имѣющіе вспомогательное значеніе въ дѣлѣ жизненнаго изученія Богооткровенныхъ истинъ Библии. Кромѣ снимковъ, относящихся къ древней иконографіи, въ журналѣ помѣщаются, когда нужно, рисунки и чертежи для выясненія Библейскаго текста. 2) Въ концѣ книжекъ, по временамъ, прилагаются, съ особымъ счетомъ страницъ, болѣе значительныя по объему статьи, относящіяся къ изученію Библии.

Подробное объясненіе направленія и задачъ „Радости Христіанина“ изложено въ отдѣльной брошюрѣ. Высылается за двѣ семикопѣечныя марки. (Безъ пересылки цѣна 10 коп.).

Журналъ состоитъ изъ 12-ти книжекъ въ годъ, выходящихъ ко днямъ большихъ праздниковъ.

Годъ „Радости Христіанина“ начинается съ праздника Рождества Христова.

Цѣна за годъ 5 р., съ перес. 6 р., за границу 7 р., за полгода 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., за границу 4 р.

Учебныя заведенія могутъ получать журналъ по однимъ заявленіямъ, съ уплатою въ теченіи полугода.

Во избѣжаніе излишней переписки.

Всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, получавшимъ «Радость Христіанина» въ 1895 году, журналъ высылается безъ предварительныхъ заявленій, если до половины декабря не послѣдуетъ отказа.

Журналъ „Радость Христіанина“, по распоряженію г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, высылается во всѣ духовныя семинаріи и въ женскія училища духовнаго вѣдомства, состоящія подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Журналъ „Радость Христіанина“ рекомендованъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ изданіе, ознакомленіе съ которымъ учащагося юношества крайне желательно и полезно.

Журналъ „Радость Христіанина“ рекомендованъ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для бібліотекъ военныхъ училищъ и для бібліотекъ двухъ старшихъ ротъ Кадетскихъ корпусовъ.

Цѣна оставшимся полнымъ экземплярамъ журнала—12 кн. 1892 и 1893 по 3 р., съ перес. 4 р.;—12 кн. 1894 г. и 1895 г. по 4 р. съ перес. 5 р. (на разстояніи до 2000 верстъ; далѣе—съ доплатою за 5 фунтовъ).

Отдѣльно новыя книжки журнала продаются по 75 к., съ перес. 1 р. Выходящія книжки, кромѣ редакціи, отдѣльно продаются въ Московской Синодальной книжной лавкѣ (на Никольской ул.)

Адресъ редакціи: Москва, Старая Басманная ул., квартира загоноучителя Константиновскаго Межеваго Института.

Иногородніе адресуютъ: Москва, редакція журнала „Радость Христіанина“.

Редакторъ-издатель протоіерей Андрей Полотебновъ.

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Второй годъ изданія.

На годъ 4 руб. безъ дост. и перес. На годъ 5 руб. съ дост. и перес.

„РУССКОЕ СЛОВО“

политическая, общественная, экономическая и литературная газета.

Тотъ успѣхъ, который съ Божіею помощію выпалъ на нашу долю въ истекшій годъ и далеко превзошелъ наши скромныя надежды, тѣ живыя, сердечныя и прочныя симпатіи, которыя уже успѣли установиться между нами и читателями нашими, наконецъ самый уже весьма значительный для столь молодой газеты и весьма разнообразный кругъ этихъ читателей—даютъ намъ силу и бодрость къ продолженію нашего посильнаго служенія родинѣ и подтверждаютъ высказанную нами ранѣе увѣренность въ необходимости пойти на встрѣчу растущей съ каждымъ днемъ потребности русскаго общества имѣть возможно болѣе недорогую и возможно болѣе освѣдомленную, полную, живую и разностороннюю ежедневную газету, здоровую и чисторусскую по духу, стоящую выше столь чуждой ему узкой доктринерской партійности.

ЗНАМЯ «Русскаго Слова» — та же священная и широко вѣющая хоругвь, подъ которую создавалась, воспиталась и выросла святая Русь; на этомъ знамени ярко горятъ и свѣтятъ великія и дорогія каждому русскому слова: «Православіе», «Самодержаніе» и «Народность».

ЗАДАЧА «Русскаго Слова» — возможно вѣрное отраженіе русскихъ идеаловъ и завѣтовъ, русскихъ думъ и стремленій, выраженіе русскаго взгляда на дѣла внутреннія и внѣшнія и мужественное, искреннее, правдивое и нелицепріатное служеніе, по мѣрѣ силъ, интересамъ дорогой родины, какъ матеріальнымъ, такъ и, по-преимуществу, духовнымъ — въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія національнаго самосознанія и истиннаго просвѣщенія.

По поводу ожидаемаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ «Русское Слово» дастъ въ 1896 году нѣсколько иллюстрированныхъ номеровъ газеты, посвященныхъ этому глубоко-радостному для каждаго русскаго событію.

ПРОГРАММА «Русскаго Слова» отличается наибольшею полнотою и разнообразіемъ, заключаая въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Руководяція (передовыя) статьи. 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Свѣдѣнія мѣстнаго характера (происшествія, театръ, музыка, картины). 6) Корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы. 7) Выдержки изъ журналовъ и газетъ: критическія и бібліографическія замѣтки. 8) Изложеніе, истолкованіе и разъясненіе законовъ, мѣропріятій и распоряженій правительства. 9) Фельетоны научнаго и беллетристическаго (романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и т. п.) характера. 10) Портреты Особъ Императорской Фамиліи, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи, относящихся до событій текущей жизни. 11) Смѣсь и шутки. 12) Объявленія.

СРОКЪ выхода — ежедневный (кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками).

Давнія и прочныя литературныя связи, благодаря изданію большого ежемѣсячнаго журнала *Русское Обозрѣніе*, вступающаго уже въ седьмой годъ своего существованія, дали возможность редакціи заручиться на будущій годъ любезнымъ участіемъ крупныхъ литературныхъ силъ, при иныхъ условіяхъ совершенно недостаточныхъ столь недорогою газетѣ, какъ Русское Слово.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи: Москва, Страстной бульваръ, д. Перловыхъ, кв. 3.

Безъ доставки и пересылки: на годъ 4 рубля, на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 к.

Съ доставкой и перес. по всей Россіи: на годъ 5 рублей, на полгода 3 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. 75 коп., на 1 мѣсяць 60 коп.

Редакторъ-издатель: Приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета Анатолій Александровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1896 годъ.

(Пятьдесятъ-первый годъ изданія).„**К А В К А З Ъ**“.

Редакторъ-издатель Ю. Н. МИЛЮТИНЪ.

Подписная цѣна:

	Городская.	Иногородная.	Заграничная.
На 12 мѣсяцевъ	11 р. 50 к.	13 руб.	18 р. 40 к.
> 11 >	11 > — >	12 >	— >
> 10 >	10 > — >	11 >	— >
> 9 >	9 > — >	10 >	— >
> 8 >	8 > — >	9 >	— >
> 7 >	7 > — >	8 >	— >
> 6 >	6 > — >	7 >	10 >
> 5 >	5 > — >	6 >	— >
> 4 мѣсяца	4 > 50 >	5 >	— >
> 3 >	3 > 50 >	4 >	6 >
> 2 >	2 > 50 >	3 >	— >
> 1 мѣсяць	1 > 50 >	1 75	2 >

Подписка принимается съ перваго числа каждаго мѣсяца.

Желающіе подписаться съ разсрочкою вносятъ 2 р. при подпискѣ и по 1 р. къ первому числу каждаго слѣдующаго мѣсяца до погашенія всего причитающагося платежа.

Плата за объявленія (со строки петита или занимаемаго ею мѣста). На послѣднихъ страницахъ: съ мѣстныхъ объявленій (кавказскихъ)—8 коп., съ прочихъ—10 коп., за каждый разъ. На первыхъ страницахъ—вдвое. За большія или многократныя объявленія по соглашенію. За разсылку особыхъ приложений 8 рублей съ тысячи.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ „К а в к а з а“—Тифлисъ, Дворцовая улица, домъ тифл. двор. зем. банка.

Частныя объявленія изъ С.-Петербурга, Москвы, Царства Польскаго, Прибалтійскаго края и за границы принимаются исключительно въ Центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ (Мясницкая, домъ Спиридонова) и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 11).

При конторѣ газеты «Кавказъ» принимается подписка на телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агенства».

ВЫСОЧАЙШЕ

УТВЕРЖДЕННЫЙ КОМИТЕТЪ

ПО ПОСТРОЙКѢ СОБОРНАГО ХРАМА ВЪ ВАРШАВѢ

симъ объявляетъ, что къ 1-му іюля 1895 года оборотъ суммъ, находящихся въ его распоряженіи, былъ слѣдующій:

ПО ПРИХОДУ:

ПО РАСХОДУ:

Пожертвованія	370196 р. 05 к.	Вознагражденіе архитекторовъ за составленіе эскизовъ собора 9506 р. 65 к. и за детальную разработку проекта собора 6004 р. 30 к., а всего	15510 р. 99 к.
Субсидія отъ Государственнаго Казначейства за 1894 и 1895 гг.	10000 р. 00 к.	Строительные матеріалы (бутовый камень, песокъ, цементъ, кирпичъ и др.), а также уплачено за произведенія земляныя, каменныя и проч. работы, всего,	64719 р. 36 к.
Единовременное пособіе отъ Св. Синода.	32930 р. 26 к.	Вспомогательныя работы при постройкѣ,	7048 р. 92 к.
Доходъ %-хъ бумагъ 22992 р. 85 к.		Вознагражденіе строителю и другимъ лицамъ техническаго надзора; письменныя и чертежныя принадлежности; содержаніе Дѣлопроизводства Комитета	12429 р. 15 к.
		Постройка часовни	632 р. 24 к.
		Расходы по покупкѣ %-хъ бумагъ	7107 р. 36 к.
		Страховка выигрышнаго билета I-го займа	1 р. 80 к.
Всего 526119 р. 16 к.		Уплачено тремъ газетамъ: «Гражданину», «Русскимъ Вѣдомостямъ» и «Новорос.-Телеграфу» за печатаніе воззваній и приходо-расходной вѣдомости	141 р. 30 к.
		Всего 107590 р. 98 к.	
Въ распоряженіи Комитета къ 1-му іюля 1895 года состоитъ свободныхъ суммъ 418528 р. 18 к.			

Дальнѣйшія пожертвованія могутъ быть направляемы на имя Варшавскаго генераль-губернатора и строительнаго комитета или сдаваться непосредственно въ мѣстныя губерскія и уездныя казначейства.

ОБЪ ИЗДАНИИ

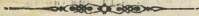
ЖУРНАЛА

„Духовный Вѣстникъ“

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА

въ 1896 году.

„Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата“ въ 1896 году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить 2 раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го чисель. Цѣна въ годъ (съ пересылкою) 4 рубля. Подписка принимается при Тифлисской духовной семинаріи.

Содержаніе №№ 1—2-го. *Часть оффиціальная*: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Отношеніе Г. Главнначальствующаго Гражданскою частію на Кавказѣ. Распоряженія епархіальнаго начальства. Росписаніе проповѣдей на дни, двундцатые, высокаторжественные и воскресные 1896 года. *Часть неоффиціальная*: Поученіе на новый годъ—Іоанна, епископа Смоленскаго. Голосъ съ запада о желательной постановкѣ народной школы—А. Рождествина. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатать дозволяется. Тифлисъ, 3-го января 1896 г. Цензоръ протоіерей
Евставій Еліевъ.

Типографія Е. Хеладзе, Лорисъ-Меликовская ул., домъ Квашоэтской Георгіевской
церкви № 28-й.